литы, братевники именуемы. И их не могли снять никоими делы, понеже архимандрит и братия боясь указа царева (а чюдотворцавай воли не было), и те колокала оставили на колокольне. И, смотря они на них, сами колокола с крючья скочили вдруг и пали, стены обламали. А тот безвестной колокол обыскался за монастырем в пруде во время || такое: на л. 254 об.
монастырь в погреб лед возили, тагда видить того колокола уши были; потом ево от воды того пруда взяли. И о том ведомость ему, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа великиа и малыя и белыя Росии самодеръжцу, учинили именно. И великий государь в монастырь приходил, плакол, прощения просил у чюдотворца Сергия о изволнении своем, а те привезены колокола два братеника к Москве, и
в литье пушачного дела не пошли и не испорче||ны, потому что медь л. 255
жестка и в дело не гожа. И доныне стоят на Пушечном дворе целы, как и были. Да тое же десятые пятницы у гроба преподобнаго Сиропиона, — а почивает тут же в Троицком монастыре, — крушку з деньгами унесли неведомо кто.[6] ||

209-го, новой благодати 1701-го году июня в 19 день в четверток л. 255 об.
о 10-м часу дня в петров пост на Москве выгорел Кремль город, а за Москвою Воронеж и Нижней город, а подлинно ль или нет, того неведомо, только же люди говорили на площади и плотники слышав сказали.

(ГПБ, СПб. ДА № 432, лл. 252 об.—255 об.).

---

[6] *Текст кончается на середине листа.*